

Я всегда любил не тех, кто знает истину, а тех, кто ищет ее

80-летие со дня рождения Виктора Петровича АСТАФЬЕВА отмечалось в течение всего апреля. В юбилейном списке — скульптура писателя во дворе его дома в Овсянке и памятник роману “Царь-рыба”, музей повести “Последний поклон” в реконструированном доме бабушки Виктора Петровича, мемориальный комплекс. И, разумеется, конференции, выставки, премьеры по его произведениям. Конечно, неизвестно, одобрил бы такой размах сам Виктор Петрович, но мы чтим память великого писателя так, как умеем. И хорошо, что чтим. А превратить его в хрестоматийного классика вряд ли получится: слишком искренни его книги, слишком много в них правды и боли. Мы предлагаем вам фрагменты из последних встреч Виктора Петровича с томской и красноярской интеллигенцией, которые подготовил красноярский журналист Андрей Сотников.

Некоей абсолютной истины человечество в целом не достигло, а я всего лишь его маленькая составная часть. Но я всегда больше любил людей не тех, которые знают истину, а которые ищут ее. Мне довелось побывать у Гроба Господня в Иерусалиме. Я его всегда представлял литературно, театрально, во многом благодаря игровым фильмам о Христе, которые я совершенно не перевариваю. В них правда киношная, а Правда и Вера — это явление высшей силы, они рождаются вместе с человеком и существуют для него. В тот момент, когда я побывал у Гроба Господня, ощутил это, в этом моем шаге, в дне прожитом, была подготовка к этой встрече. Я бы хотел, чтобы каждый из нас имел Бога в душе и чтобы он всегда был высоким, недоступным. Это стремление к чему-то высочайшему, что нельзя потрогать руками, и есть высочайшее духовное счастье человека. Вот в этом направлении я всю жизнь и работал, стараясь самоусовершенствоваться каждой книгой.

...Я начинал мой путь в литературе очень примитивно, как областной писатель, и было у меня много соблазнов остаться областным писателем, надо было сделать усилие над собой для преодоления своей неуклюжести, невежества, я не говорю, что до конца преодолел их, на это не хватит и всей моей жизни. А опорой для меня всегда служила строгая, прекрасная сибирская природа, она сама по себе борющийся организм, существующий непросто. Каждый день в ней происходят изменения, бывает она сурова в бурю, в час полноводья несчастна, бывает прекрасна. Я думаю, наш народ похож на свою природу. Его и надо любить так, чтобы утраченное в человеке, те же стремления к труду, например, были восстановлены хотя бы за несколько поколений.

...Я благодатен времени, до которого дожил, когда могу писать в меру того умения, которого достиг, а умение это как горизонт: чем ближе к нему приближаешься, тем оно дальше отдалится. Я не люблю писателей, которые говорят: у меня нечего исправить. Если Гоголь по восемь раз

свои творения переписывал, все не был доволен, так нам Бог велел и по восемнадцать раз переделывать, чтоб хоть какую-то полноценную продукцию представить.

...Вообще, скажу вам, с возрастом жить труднее, думать тяжелее, а писать так во сто крат труднее. Я порой завидую тем писателям, которые пишут много, пишут хорошо, часто издаются. Порой меня захватывает желание полегче жить, или, как сказал Вася Белов, “жить по упрощенной задаче”. Но это ненадолго.

Меня потрясает благодушие, бестревожность, какая-то способность забываться. Мне кажется, что у нас уже целое поколение, если не два, воспринимают наши рассказы о войне как какую-то сказку про Иванушку-дурачка. Быть может, мы недостаточно талантливы, быть может, недостаточно хорошо об этом пишем, может, есть силы, сдерживающие нас, чтобы мы не до конца вскрывали весь ужас войны той... Мы как-то забыли, что победу мы добились огромнейшим потоком крови, страшной травмой нашей русской нации. Опустела Россия из-за потерь на войне и опустела из-за того, что мы бездарно воевали. Мы завалили немца не бомбами, кровью своей утопили. И — победили, слава Богу. Но не дай Бог, чтоб еще одна такая победа к нам пришла. Тогда нас просто не станет.

...Я понимаю, каждому человеку и обществу хочется выглядеть лучше. Но это, на мой взгляд, совершенно не должно касаться писателя. Писатель, если он чувствует себя самостоятельно мыслящим человеком, он сам себе судья и господин, он не может об этом молчать. Он должен говорить с людьми на том языке, на котором способен говорить и возвыситься до той правды, на которую способен...

...Мне дорог мой народ, мое Отечество. Все, что у него болит, болит и у меня. Но у меня болит еще, помимо всего прочего, когда врут. Когда врут бесконечно — это уже привычный климат лжи. Я думаю, что общество, которое столько пролило крови, столько страдало, достойно уважения правдой, оно должно жить ощу-

В.Астафьев

щением правды, порядочности, честности.

И я рад, что начал писать в период, когда существовала так называемая “лакировочная литература”. Литература, уникальная в своем роде, нигде в мире не бывала и только закономерно рожденная у нас за счет лжи, обмана. И вот общество все же смогло преодолеть этот страшный надуг — прежде всего за счет творческих потенциальных сил в своем народе. И я дожил до такого счастья, когда литература возвысилась до правды, и рассказал народу эту правду, и от этого не пострадал никто; просто стали себя чувствовать лучше, и какие-то изменения произошли не без влияния этой литературы, так называемой деревенской прозы. Я верю, что мы доживем до такого времени, когда сможем откровенно смотреть друг другу в глаза. Если только это будет утрачено, общество наше переродится, оно имеет к этому тенденцию; оно станет совершенно мне непонятным. Во всяком случае, не тем, за которое я воевал.

Меня часто на встречах спрашивают: как жить дальше? Чем жить? И я думаю: почему именно у меня? Может быть, потому, что я, сам того не ведая, дотронулся до каких-то болевых точек жизни. Только начал дотрагиваться...

...Я не обыватель, который думает, что история литературы с него началась, на нем закончилась. Мой скромный труд пусть будет той площадкой, с которой начнут свой путь

люди будущего, кто придет нам на смену.

Из ответов на вопросы:

— Виктор Петрович, как вы считаете, может сегодня пригодиться советская мораль по Николаю Островскому: “Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...”

— Мораль по Островскому знал я когда-то в детстве, в юности следовал ей, но за мои семь десятилетий столько было прожито морали, столько произнесено демагогии, столько было спекуляции на этой фразе, на жизни Островского, спекуляции на всякой примерной жизни и вождей, и гениев. Их сначала убьют у нас в России, а потом в пример ставят. (Я бы хотел, чтобы, вспоминая Александра Сергеевича Пушкина, люди молились, а идет буквально вакханалия по Пушкину, все его вспоминают, все отыскивают цитаты, всем он сгодился.)

Самое главное в нас — утрата духовности, нравственности. Прежде чем думать о борьбе за все человечество, давайте лучше поборемся за самих себя, за наших детей. А чтобы не было “мучительно больно”, работать надо, как работали крестьяне, — за все отвечать во дворе, в доме, за детей, за печку, за дрова, за скотину...

— Как вам удается оставаться самим собой?

— “Виноваты” в этом мама, семья и природа. Я знаю людей, которые всю жизнь состояли в коммунистах и их

даже эта партия не смогла испортить, настолько они хорошо были воспитаны отцом, матерью, жизнью самой, что никакая идеология — ни фашистская, ни коммунистическая — не могла на них повлиять.

Как-то меня осматривал молодой доктор: что ни назовет, все больное. “На чем же тогда живу?” — спрашиваю. “У вас, — говорит, — огромный потенциальный заряд жизненных сил. Вот на нем и живете, он вас и спасает”.

Многое у меня война отняла: часть памяти отшибло на Днепре, зрение, но многое и оставила — я не загадывал прожить дольше пятидесяти. Думаю, что живу сейчас годы моей мамы, которая погибла в 29 лет. Она невинная жертва, в 30-м году утонула в Енисее, плывя с передачей к отцу в тюрьму. Вот столько лет мне дано, о которых я и не мечтал, — я доживаю мамин век. Насколько этот человек был из чистой, доброй крестьянской семьи, настолько он был благороден, трудолюбив, — было бы неправильно, если бы я жил по-иному, перед памятью матери, перед памятью бабушки.

— Как вы считаете, в России остался народ или одно население?

— Один мой знакомый, летчик, получил квартиру в новом доме, я тогда был у него и был в другой раз, совсем недавно, — не узнал ни дома, ни подъезда, настолько все обезображено, исписано, в подъезде пахнет мочой, дерьмом; можно еще и другое называть: отрубленные головы, брошенные дети, взорванные дома — за все это существует возмездие, наверно, мы потеряли это право — называться народом.

Владимир Солоухин, который сказал фразу, что народа у нас нет, осталось одно население, был человеком мудрым, и если сказал так, то не без оснований. Я хочу, чтоб без войны, без кровопролития наш человек вернулся к своему привычному облику, к тому, каким Бог задумал русского: добродушным, трудолюбивым, терпимым.

— Может, наши дети будут жить лучше нас, счастливее нас?

— Если бы я думал иначе, то давно бы умер, и руки бы на себя не накладывал, а просто умер от безысходности — я человек, настроенный оптимистически, привык смотреть вперед. Трудно, конечно, будет нашим ребятишкам, но они должны выдюжить, должны сделать сами себя. Мы оставляем им очень плохое наследство: разоренную землю, разоренные души, запутанный ум; через горе, через утраты, через большие потери, я надеюсь, они переживут, только надо приучать их к труду: садить, а не рубить, подбирать, а не бросать — с этой малости начнут, тогда есть надежда. Потенциальное могущество нация еще сохранила, оно не может пропасть в такой прекрасной стране.

Красноярск

Фото Владимира БОГДАНОВА